

своим». Псевдо-Златоуст хочет этим примером указать на свободу выбора человеком своих поступков: «Самовластна бо богом сотворени есмы, или спасемся или погыбнем волею своею». Псевдо-Златоуст выясняет соотношение между природными инстинктами и сознательной волей человека, указывая на преобладающую силу последней: «Мнози бо глаголют: родом есма гневливии, или блуднии, да не можем удръжати себе». Но это Псевдо-Златоуст отвечает просто и остроумно: «Рци ми убо: аще будеши крадый или блуд творя, узре кого грядуща, не речеши родом есмь, но вскоре отбегнеши и престанеши злое творя».⁵³

Этот маленький этико-психологический трактат, воспроизводивший в христианской форме античные этико-психологические понятия, ни в современном ему обществе, ни позднее, и так чуть ли не до самого А. С. Архангельского, не вызывал сомнений в подлинности авторского имени, которое он носил.

Наконец, тот факт, что и на Западе сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита тысячелетие существовали под именем ученика апостола Павла, пока Лоренцо Валла не высказал убедительных предположений в фиктивности этого имени, самый этот факт показывает, как поздно в общественном сознании была проведена граница между философией и богословием. Но это совсем не значит, что философия только то и делала, что ходила в служанках у теологии. Это значит прежде всего, что философская мысль развивалась в средние века в богословской форме, а нередко даже и не в богословской форме, а всего лишь под богословским названием.

В этом отношении исключительно интересно послание Юрия Крижанича царю Федору Алексеевичу. В этом послании Крижанич предлагает царю перевести Аристотеля, мотивируя свое предложение тем, что с в я т о т е ч е с к и е сочинения не рассмотрели темы о «гражданской и царской премудрости». Юрий Крижанич считает этот факт пробелом в святоотеческих сочинениях, тем самым показывая, какое обширное значение придавали патристике, полагая, что «гражданская и царская премудрость» является подлежащей патристике темой. Впрочем, Крижанич не возлагает на отцов церкви ответственности за этот пробел. «Чесого же ради, — спрашивает Крижанич, — отцы святии сего толико потребнаго ведания не возвестиша?». И отвечает: «Вина есть явственна: не восхотеша бо дела перделывать деланнаго. Еллинстии бо философы преобило о той мудрости написаша, паче же Аристотель то политичное учение тако светло подробно изъясил есть и разсудил, яко ничтоже может вящши вещей ни желати, ни просити, глаголет же во всей политике тако к х р и с т и а н с к о м у б л а г о ч е с т и ю согласно и прилично, яко ни сами святии отцы не быша возмогли в сем предложении вящшии правды, ни лучшего учения предати».⁵⁴ В глазах Крижанича святоотеческие произведения просто и прямо продолжали античную философию и в такой мере, что включение аристотелевских произведений в круг святоотеческой литературы представлялось чем-то само собой разумеющимся.

Для Крижанича отличие Аристотелевых сочинений от святоотеческих сводилось не столько к содержанию, сколько к тому, что имя Аристотеля не было канонизировано, подобно именам отцов церкви.

Вот что предлагал Крижанич: «За то нимало еллинских писаней оставил и Аристотелево имя извергл бы, написал бы же на книгах Григория Богослова имя, никто же бы от благочестивых мог от того соблазн прияти,

⁵³ А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности, IV. Казань, 1890, стр. 114—115.

⁵⁴ Послание Крижанича царю Федору Алексеевичу. Известия и ученые записки Казанского университета, 1865, вып. 1, стр. 16—17.